
ЛАРИ ЭЛ
ДЕЛО
НЕ В МАГИИ

Лари Эл
Дело не в магии

https://litres.ru/74815254

Аннотация

Всем привет! Я Алиса — та самая, чей кофе вызывает признания, кризисы и иногда — конец света. Год спустя после «честного кофе» всё вроде бы идеально: у меня любимый муж, стабильная магия, учёба в Академии и кофе без побочных эффектов. Почти.Пока однажды кофе не начинает странно горчить, а магические сенсоры не срабатывают у двух фракций одновременно. Теперь мужа обвиняют в том, что он скрывал свою истинную природу — мага, а меня — в соучастии. Нашу связь называют аномальной, а наши чувства — опасными. И если не доказать обратное, мы можем потерять всё — статус, память, и даже то, что делает нас самими собой. Но если уж я умею спасать мир через капучино, то, может, смогу сварить рецепт и для нас. Потому что правда — это не горечь и не сладость. Это то состояние, в котором нечего терять… И вкус, в котором больше нечего прятать.

Первая часть "Дело не в кофе" тут Читать можно отдельно, но с первой частью интересней

Отдельная часть из этого же цикла — история Дениса "Все двери ведут к тебе"

Содержание

Глава 1. Вкус на послевкусии 4
Глава 2. Золотая клетка 16
Глава 3.Допрос 26
Глава 4. Отпуск 39
Глава 5. Катализатор Апокалипсиса 58
Глава 6. Отчаяние и «Каракулеметр» 74
Глава 7. Кризис накопленного кофеина 86
Глава 8. Выгорание искренности 104
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Глава 1. Вкус на послевкусии

Говорят, время лечит. Врут.

Время просто наливает себе кофе и садится смотреть, как ты снова делаешь глупости.

Вот и я — ровно год спустя после того самого «честного кофе» — снова сижу напротив Виктора и делаю вид, что не паникую.

Мы празднуем годовщину в «Бэйжстаре», где всё началось. Тогда я была баристой, он — загадочным ВИП-клиентом, а теперь я — жена миллиардера, а он… всё тот же загадочный ВИП-клиент.

Прогресс, как говорится, налицо. И на чашке тоже.

Он всё так же пьёт кофе без сахара и смотрит так, будто знает каждую мою мысль на вкус. И, к сожалению… или к счастью — знает. Побочный эффект магической связи между нами — магия правды. Мы чувствуем эмоции друг друга. И это не метафора.

Но не только это вызывает сейчас… скажем так, некоторое беспокойство.

— Мы с тобой, — говорю я, — официальный раздражитель для всех категорий населения.

— Это как? — Виктор приподнимает бровь.

— Для обычных людей — история успеха: она варила кофе, а в итоге вышла за «кофейного короля». Для магов — скандал года: маг и его «питомец» поженились.

А для нас — просто двое сумасшедших, которых фракции до сих пор не уволили из жизни.

— Сарказм — твоё второе имя.

— А твоё — контроль. Если бы ты мог, то прописал бы наш брак в каком-нибудь пейнтоне с графиком эмоций.

Он смеётся. А я понимаю, что это — мой самый любимый звук на свете. Ну, после шума кофемашины, конечно.

Нашу связь можно описать просто: «эмоциональный вайфай с бесконечным трафиком». Когда я радуюсь — он чувствует. Когда он злится — я хочу вылить кофе кому-нибудь в лицо.

Любовь как совместный аккаунт: удобно, пока никто не решил обновить пароли. Иногда это помогает — можем молчать и понимать друг друга. А иногда — катастрофа.

Как сегодня утром, когда я сказала, что у него глаза цвета грозы. Он тут же ответил, что у меня — цвета тёмного мёда. А потом добавил, что губы слаще мёда и, как ответственный человек, решил проверить. Проверял долго и с чувством. Мёд не понадобился, но мы опоздали на все утренние встре-

чи.

И Светозар, глава Стражей Рассвета, заявил, что я подаю «сомнительный пример честности».

Я-то думала, что быть гарантом честности и прозрачности — значит не врать в отчётах. А оказалось — ещё и не опаздывать на собрания к магам-бюрократам.

Хотя, если честно, как тут не опоздать, когда твой муж способен поцелуем обнулить весь твой идеально спланированный график?

Да, в мире людей я — просто жена миллиардера. Ну ладно, не просто: жена миллиардера и партнёр по бизнесу. А вот в мире магов у меня должность куда солиднее: гарант честности и прозрачности между двумя фракциями — Стражами Рассвета и Хранителями Сумерек.

Звучит как должность, которую можно печатать на визитках золотыми буквами. А по факту это значит, что я обеспечиваю прозрачность магических сделок и ставлю подпись, что всё «по-честному».

Магический мир живёт по принципу: «Если магию хорошо засекретить — то люди о ней не узнают». Поэтому всё маскируется под коучинг, ретриты и бизнес-тренинги.

Мой муж, Виктор Петров — владелец «Петров Групп», корпорации по продаже успеха в формате «кофе-брейк с гарантией».

То есть ты приходишь на «программу по самоэффективности», платишь кругленькую сумму, пьёшь кофе — и вдруг

у тебя получается всё. Идеальный бизнес, идеальный бизнес-партнёр, осознанность в подарок.

Конечно, никто не догадывается, что дело не в маркетинговой стратегии и не в презентациях с графиками.

Секрет прост: всё дело в кофе. Бариста — не просто обычные ребята, а маги из фракции Хранителей Сумерек. Они вливают в кофе силу, уверенность, успех и иногда немного наглости. Так работает симпатическая магия — магия эмоций и состояний, переданных через напиток.

Другими словами, твоё утро на ретрите может быть бодрым не из-за кофеина, а потому что кто-то добавил в кофе уверенность в завтрашнем дне и чуть-чуть самодовольства.

Почему именно кофе? Потому что он — идеальный посредник между магией и человечеством.

Горячий, бодрящий и, главное, социально одобряемый. Никто не заподозрит колдовство в чашке, если сверху — симпатичное сердечко из пенки.

Кофе признали обе фракции — и светлые маги, и тёмные маги. Удивительно, ведь они не могут договориться даже о том, какой у рассвета оттенок — золотой или ядовито-белый.

Есть ещё специализации. Светлые предпочитают «упаковывать» магию в чай: мол, мягко, целебно, без побочных эффектов. Тёмные — в алкоголь, по принципу «чем крепче, тем честнее». Но и те, и другие сходятся в одном: для работы — только кофе.

Для магов он стал универсальным проводником, а для людей — ежедневной привычкой. И на пересечении двух миров выросла кофейно-магическая империя.

Так что пока «Петров Групп» продаёт успех с лёгким привкусом чуда, попутно расширяя свою сеть кофеен, я гарантирую светлым и тёмным, что их цели не нарушаются и что правда о магии не просочится в мир.

Семейный бизнес, что тут скажешь. В который мы вляпались не сами, а по воле магических фракций.

Кстати, о фракциях. Они враждуют столько лет, что их споры давно перешли в жанр «вечный сериал».

Мой друг Денис, в мире людей бывший бариста, а в магическом мире — владелец кофейни «Без фильтров», где магии нет по показаниям приборов, уверяет, что это всё классика: светлые и тёмные, добро и зло, ваниль и корица.

Но если честно — это скорее как латте против эспрессо. Вроде похоже, но последствия разные.

Стражи Рассвета, или светлые маги, считают, что людей надо защищать от магии. И от магов. И вообще — от всего, что может выбить их из психологического равновесия.

Они придумали закон о неразглашении (маг не может разглашать людям сведения о магии и магах), а заодно активно уменьшают силу своих учеников — до «социально приемлемого уровня». Считают, что сильный маг опасен — вдруг

ему вздумается причинить зло людям?

Хранители Сумерек или темные маги, наоборот, уверены, что магия — это свобода. Что сильные маги не должны вырождаться (им нельзя уменьшать дар), а должны управлять людьми, потому что «дар — это ответственность и призвание».

Они открыли Академию магии, где я сейчас учусь на первом курсе. Да-да, на первом.

Потому что магическая система образования работает так же, как обычная: даже если ты спас мир (магический), всё равно иди и пиши конспекты.

Любопытно, что у каждой фракции есть своя логика. Стражи боятся вреда — для людей. Хранители боятся вреда — для магов.

А я боюсь, что между ними развяжется война и они нанесут вред друг другу.

На Переговорах и на Совете фракций, когда меня спрашивали, чью сторону я выберу, я честно сказала:

— Обе хорошие, но обе немного токсичные.

И добавила, что именно поэтому хочу быть нейтральным магом — не принадлежать ни к одной фракции. Думаю, потому меня и назначили «гарантом честности и прозрачности», из-за тех моих слов. Ну и ещё в силу совершенного мной «подвига», за который мне удалось получить у светлых фору доверия.

Кстати, у светлых, Стражей Рассвета, тоже есть свои «точки продаж» магии. Это платные больницы, госпитали, хирургические отделения – все места, где можно задействовать их целительную магию. Само собой, на лечение со стопроцентным результатом могут рассчитывать только ВИП-клиенты. И этот стопроцентный успех операций обеспечивает — что? Правильно, магия.

Вот так маги встроились в человеческий мир. Почти незаметно. Если не считать того, что теперь за каждый успешный стартап и идеально прошедшую операцию втихую отвечает кто-то с дипломом из Академии магии.

А мы с Виктором за этот год просто устали быть посредниками между двух огней — Стражами и Хранителями. Когда твоя жизнь выглядит как совещание между Добром и Злом, начинаешь ценить простые вещи. Например, утренний кофе, где единственная драма — пенка осела раньше, чем ты сделала сторис.

Мы — нейтральные маги, и на этом стоим.

А Виктор вообще скрывает, что он маг. Для фракций он до сих пор числится «человеком» и «питомцем». Да, именно так маги называют людей, которым оставили память, потому что они слишком полезны, чтобы их стирать. А мой муж — полезен до неприличия.

Без него вся эта машина по продаже магических услуг просто не закрутилась бы. Он — тот, кто встроил магию в бизнес-процессы, придумал KPI для симпатической магии и

вообще сделал колдовство прибыльным.

Вот только страшно подумать, что будет, когда фракции узнают, что их полезный «человек» всё это время был магом…

С одной стороны внутри у меня сейчас — гордость. Потому что это ещё надо уметь так скрывать магию от магов, как делает Виктор. А с другой стороны — паника. Потому что если кто-то решит проверить, кто тут ещё что скрывает… Как бы они не добрались и до нашей связи.

И тогда… Ну, скажем так: нам придётся искать новую сеть кофеен, новую личность и… новую жизнь.

***

Вечером заезжаем в кофейню «Без фильтров» — туда, где магии нет даже по показаниям специальных приборов. Место нейтральное, как салфетка в споре за власть.

Владелец — тот самый Денис, мой давний друг по универу и коллега по «Бэйжстару». Человек, который смог продать магам идею отсутствия магии как концепцию.

Фракции обожают его заведение — теперь даже их Переговоры проходят здесь, а не в «Зернах истины». Да и просто так сюда заходят — в нейтральной зоне удобно делать вид, что они не вечные враги, а просто люди, которым нужен кофеин и отдых.

— Алиса, Виктор! — кричит Денис, едва завидев нас. — Смотрите, я поставил новые сенсоры.

— Чтобы убедиться, что магии нет?

— Чтобы убедиться, что даже намёка нет. У меня, знаешь, принцип: «Без фильтров, без обмана, без магических взрывов».

— Хоть где-то стабильность, — вздыхаю я. — В отличие от брака с магом и магической связью.

Так вышло, что от Дениса у нас нет секретов. Наверное, дружба — это такое дело, сначала она распространяется только на тебя, а потом и на всех, кто рядом.

Виктор и Денис идут проверять оборудование. Я остаюсь за столиком, наблюдаю, как они переговариваются, щёлкают кнопками и выглядят довольными, как два мальчика, которым дали собрать конструктор с инструкцией на латыни.

И когда успели сдружиться? Наверное, где-то между любовью к артефактам и взаимным уважением к понятию «контроль».

Пью кофе и думаю, что у Дениса магии нет, а у нас с Виктором магия стала просто привычкой. Как чистить зубы или спорить о сортах зерна. А ведь когда-то это было похоже на чудо.

***

Дома я не выдерживаю:

— Так что ты обсуждал с Денисом?

— Ничего важного.

— У тебя сейчас глаза как у человека, который притворяется, что всё под контролем.

— У меня глаза мага, у которого сломался магический роутер.

— Что?! — я почему-то сразу напрягаюсь. — Отлично.

Он усмехается, но взгляд становится серьёзным.

Я беру чашку, пью кофе — и вдруг чувствую странный вкус. Как будто кто-то добавил в мой латте тревоги.

— У меня кофе какой-то... — начинаю я.

— Странный? — Виктор морщится. — Я у себя тоже почувствовал.

Тишина густеет, как пережаренная карамель. Вкус на языке становится металлическим, будто воздух внезапно вспомнил, как пахнет гроза.

— Наверное, иногда кофе просто не в духе, — говорю я.

— Иногда даже кофе может выдать тайну, — отвечает он.

— Знаешь, — наконец признаюсь, — я чувствую, что наша связь сбоит. — Твоя радость приходит с задержкой, раздражение — с эхом. Как будто сигнал идёт через спутник, а не через сердце.

Он молчит, и от этого становится ещё тревожней.

— Да, — наконец произносит он. — Наш «эмоциональный вай-фай» неисправен.

— У нас, кажется, завис поток, — говорю я.

— Не совсем завис, — хмурится он. — Поток между нами зашумлён.

— Поток зашумлён? — уточняю я. — Это как?

— Я поставил фильтр, с самого начала. — признаётся Виктор. — Чтобы никто не смог считать нашу связь. Сначала всё было хорошо, а теперь появился этот лаг.— Поставил фильтр? Опять твои игры с фракциями?

Он опускает глаза.

— Я должен был исключить возможность того, что нас засекут Хранители и Стражи.

— Ну... Я уже привыкла к тому, что мы как нелегальный подкаст о любви.

— Зато честный.

Он сгребает меня в охапку, и мир снова становится привычным и тёплым. Так и сидим, молча, пытаясь прислушаться друг к другу.

Где-то внутри как будто гремит гроза, и я понимаю, что это не погода — это фоновые эмоции мужа.

Раньше я чувствовала их чётко, а теперь — только слабый отблеск. Почти пустота.

Поздно ночью лежу в темноте и думаю, что наверное, правда — как кофе. Вкус меняется, аромат — тоже, но если прислушаться — всё то же тепло.

Просто теперь оно не кричит, а дышит тихо, как утренний пар над чашкой.

Глава 2. Золотая клетка

Некоторые считают, что богатство даёт свободу. На деле оно просто дарит тебе клетку — зато с панорамным видом на парк, обслуживанием и капучино по расписанию.

Стою у окна пентхауса и ловлю на стекле отражение своего лица — девушка с темно-рыжими волосами и серьёзным взглядом куда-то вдаль. Будто смотрю на чужую жизнь.

Телефон вибрирует: три уведомления от фракций, одно из центрального офиса. Всё требует ответа. А я пока не хочу отвечать.

Всё идеально: панорама, стекло, кофе, аромат свежей роскоши. И всё равно неуютно. Слишком блестит. Слишком дорого. Слишком не моё.

В своей хрущёвке на четвёртом этаже, купленной в ипотеку, я чувствую себя свободнее. Там пахнет реальностью, обжаренным кофе и любовью, которая помещается в один плед.

А здесь — как в витрине. Вроде живёшь, а на самом деле просто стоишь на подсветке.

Смотрю на город свысока и думаю: вот она, цена успеха.

Одиннадцать лет назад Виктор Петров был просто парнем с горящими глазами и хроническим недосыпом. Делал стартапы, ставил сроки и мечтал о большом бизнесе.

В один ни разу не прекрасный день к нему подошли очень вежливые люди и сказали: «Хотите, чтобы все ваши проекты были на сто процентов успешны?»

И он, конечно, хотел.

Маги из фракции Хранителей Сумерек искали предпринимателя со смекалкой и минимальным инстинктом самосохранения для своих игр. Нашли.

А Виктор обрадовался, что нашёл «серьёзных инвесторов» и гарантию успеха.

Так и завертелось: семинары, кофе-брейки, программы личностного роста вроде «Как стать версией себя, на которую не стыдно смотреть». А под всем этим — магия в кофе.

Спустя время Кассиан, прежний глава тёмных, аккуратно объяснил про магию и магов.

Но к тому моменту колесо уже не просто крутилось — оно ехало на Викторе, не спрашивая разрешения.

Теперь он — олигарх, маг, который скрывает свою природу даже от фракций, и человек, у которого есть всё, кроме свободы.

Пентхаус, костюмы, охрана, корпоративные улыбки — всё

как надо. Только график жизни составляют не часы, а магические протоколы.

Я делаю глоток кофе и думаю, что очень понимаю его попытки играть против этой системы. Просто чтобы самому выбирать, когда ложиться спать.

Год назад я тоже мечтала о свободе от фракций — и оказалась в том же клубе «Золотая клетка делюкс». Только теперь у нас семейный тариф.

Иногда я думаю: а можно ли вообще выйти из этой клетки? Или свобода — это только иллюзия, которую можно себе позволить между двумя отчётами для фракций?

— О чём думаешь? — раздаётся у меня за спиной.

Я вздрагиваю. Виктор подходит, обнимает. От него пахнет шампунем, паром и чем-то домашним, тёплым.

— О тебе, — честно отвечаю.

— И я тоже, — улыбается он.

— Тоже о себе? — прищуриваюсь.

— О любимой жене, — говорит он и, не давая мне договорить, подхватывает на руки. Кружит, как будто мы в фильме про счастливых людей.

Я смеюсь, но на полпути смех замирает. Вдруг чувствую

— пусто. Нет отклика. Нет его эмоций. Ничего.

Вчера ночью мы были… ну, скажем так, очень синхронны. Настолько, что я бы дала нашей связи премию за лучшую командную работу. Несмотря на фильтры и зашумленность... А теперь — тишина. Как будто кто-то выдернул роутер из розетки.

Виктор замечает моё лицо, осторожно ставит меня на пол. Смотрит внимательно.

— Что?

— Связь, — говорю. — Молчит.

Он хмурится.

— Я тоже почувствовал.

— Может, это потому, что нас теперь не двое, а… немного больше? — произношу я с кривой улыбкой, глядя на него исподлобья.

Он на мгновение замирает.

— Возможно, — тихо отвечает. — По-хорошему, нужно съездить к Учителю. Он бы точно объяснил,почему связь себя так ведёт.

— Давай съездим.

— Сейчас некогда. Потом обязательно поедем.

Он целует меня в висок и уходит собираться. Я открываю окно.

Город шумит, солнце режет стекло, кофе остывает.

И вдруг я думаю: если эта связь, созданная магией правды исчезнет совсем… значит ли это, что мы опять сможем врать друг другу?

А я ведь так привыкла к честности за этот год. Даже к той, что горчит сильнее, чем эспрессо без сахара.

Пью последний глоток — он горький. И думаю, что правда в отношениях похожа на кофе: пока горячая — обжигает, пока честная — бодрит, а если остыла — просто потеряла вкус.

Через пару часов Виктор уходит на встречу.

Я только успеваю вдохнуть спокойствие, как телефон взрывается звонком.

Денис.

Мой личный индикатор катастроф.

— Алиса! — орёт он из динамика.

— И тебе доброе утро, Денис.

— Алиса, слушай! У меня приборы показали магический всплеск. Серьёзный. В вашем районе.

Я замолкаю.

— Может, у тебя провод коротит?

— Проверял. Всё чисто. Всплеск — реальный.

— Ну, может, это просто коллективное просветление клиентов после утреннего эспрессо?

— Алиса, — вздыхает он, — ты шутишь, потому что боишься.

Молчу. Он знает меня с универа... И он попал в точку.

— И да, — добавляет Денис. — В эпицентре был Виктор. Остальное не по телефону.

***

Пока лечу на лифте вниз, думаю, что кофе всё-таки переоценён. Он бодрит тело, но абсолютно не помогает, когда бодрить нужно душу.

Лифт едет мучительно медленно. Этажи мигают, как пульс. Сердце бьётся в такт лампам.

Такси уже ждёт под моросящим дождём. Сажусь, вожу пальцем по стеклу — город размывается, как молоко в кофе.

Мысленно прокручиваю разговор с Денисом. Он не маг, просто человек, зацикленный на идее фиксировать магию приборами. И пока он единственный, кто добился в этом колоссальных успехов.

Так что если Денис говорит «магический всплеск» — зна-

чит, всплеск был. А если зовёт говорить не по телефону, значит, дело серьёзное.

Пентхаусы, фракции, эта показная роскошь — вдруг кажутся театром для слепых.

Когда едешь навстречу человеку, который умеет фиксировать магию, ты понимаешь, как мало в жизни фиксируешь сам.

«Без фильтров» встречает привычным ароматом кофе и спокойствием — как будто ничего не случилось.

Клиенты расслабленно пьют кофе, а я чувствую — воздух звенит.

Денис машет рукой, кивает в сторону подсобки.

Ну да, классика: если зовёт «без свидетелей» — готовься к новому рецепту катастрофы.

Внутри — гул, ноутбук, хаос проводов.

Светлые вихры Дениса сегодня торчат так, будто он спорил с электричеством.

— Ну? — спрашиваю. — Что за срочность?

— Помнишь сенсоры, которые я вчера показывал Виктору?

— Конечно. Вы с ним так громко спорили, что я думала, магия уйдёт в подполье.

— А вот и не ушла, — усмехается он. — Эти сенсоры ловят магический след.

— След?

— Как ДНК, только без крови. Я вчера записал отпечаток Виктора — тестировал систему. Сегодня приборы зафиксировали всплеск именно с его следом. Прямо из вашего пентхауса.

Я замираю.

— Может, ошибка?

— Исключено.

Мир будто делает глоток паузы.

— То есть только ты мог понять, что это именно Виктор?

— Да. Мои сенсоры определяют личный отпечаток. А вот фракции… — он выдыхает. — Они фиксируют силу, но не автора. Пока не начнут сверять потоки. Но если кто-то из них подключится к анализу — тогда они быстро сопоставят, кому принадлежит аура.

— То есть у нас есть фора?

— Небольшая, — кивает он. — Час-два, максимум.

Я зажмуриваюсь.

— Отлично. Значит, через пару часов все узнают, что Виктор не человек, а маг, который притворялся офисным богом.

— Алиса, — спокойно говорит Денис, — пока ничего не доказано. Но да, придётся подготовить версию.

— Типа: «Он внезапно проснулся магом, не подскажете, куда писать заявление?»

— Примерно так.

Я усмехаюсь, хотя внутри всё холодеет.

— А ведь так хорошо всё работало. Бизнес, связи, кофе, честность. И вот — одна вспышка, и привет, магический шпионаж.

— Пока никто не звонил, — говорит Денис. — Но тебе стоит поговорить с ним как можно скорее. И с главами фракций тоже.

Я киваю.

Не чувствую ног, когда выхожу на улицу. Ветер холодный, резкий.

Сажусь в такси, и вдруг ощущаю: за мной наблюдают.

Поворачиваю голову — на другой стороне улицы стоит силуэт в тёмном пальто.

Слишком спокойный для случайного прохожего.

Он не двигается. Но я чувствую — он смотрит.

Маг из Хранителей.
Машина трогается, и фигура исчезает в потоке.

А я сжимаю сумку, как оберег, и думаю: так, спокойно, он просто пришёл в «Без фильтров» за кофе… У нас есть ещё час, может, два, чтобы всё поменять или всё потерять.

Такси едет сквозь дождь, огни вывесок отражаются в лужах. Где-то на билборде улыбается Виктор — с чашкой кофе и слоганом «Честность начинается с первого глотка».

Глава 3.Допрос

Дождь стучит по крыше такси, как будто пытается смыть этот город с карты.

Окна запотели, навигатор глючит, и водитель уже третий раз спрашивает, не проще ли мне дойти пешком. Говорю, что не проще.

Написанное ещё в «Без фильтров» сообщение Виктору «Еду к тебе, это важно» висит непрочитанным уже двадцать минут.

Потом следуют сорок минут пробок, дождя и собственных мыслей.

Успеваю тридцать раз пожалеть, что не заказала служебную машину от «Петров групп» — но не хотелось официально светить визит в «Без фильтров».

Хотела просто доехать без лишних глаз.

Как же наивно — думать, что в этом городе у магов нет тех самых «лишних глаз», наблюдающих за каждой мало мальски значимой кофейной точкой…

И особенно за кофейней Дениса. Можно было догадаться, что за ним тоже наблюдают, так же как и за нами.

Телефон вибрирует, наконец-то.

«Я в “Зёрнах истины”. Допрос».

Слово «допрос» пробивает сильнее кофеина. Становится ясно: фракции уже знают.

И если они добрались до Виктора быстрее, чем я до ближайшего перекрёстка, значит, у них тоже есть своё оборудование — не хуже, чем у Дениса.

А может, дело в чём-то другом.

***

Наконец добираюсь до места.

«Зёрна истины» за год превратилась в мини-школу древнеславянской магии. Теперь это не просто кофейня, фасад которой оформлен под старину.

Теперь это целый учебный центр из нескольких корпусов — с курсами, практиками и видом на дождливый парк.

Виола и Дмитрий, которые здесь преподают, тоже нейтральные маги. Год назад я проходила у них начальное обучение.

Моя первая учительница по кофейной магии, Виола, встречает на пороге, укутанная в белую шаль, которая так гармонирует с цветом её волос.

— Где он? — спрашиваю.

— В другом корпусе. — Она поворачивается к Дмитрию, который ведёт занятие. — Я проведу Алису.

Мы идём по галерее под навесом, дождь барабанит по жестяной крыше.

Перед дверью Виола останавливается, кладёт мне руку на плечо:

— Ты ведь знаешь, Алиса, магия — не преступление. Преступление — когда перестаёшь верить, что всё можно исправить.

Я киваю. В горле что-то горькое, как пережжённый эспрессо.

Открываю дверь и попадаю в небольшой коридор с несколькими дверями.

Первая дверь распахивается, и Виктор выходит навстречу — мрачный, как эспрессо без воды.

Взгляд ледяной, но этот холод направлен не на меня — за его спиной маячат Светозар и Равенар.

Главы двух фракций. Светлый и Тёмный.

Две противоположности, умеющие дружить только когда пахнет допросом.

Светозар выглядит, как рекламный плакат морали: безупречно выглаженная белая рубашка, серый костюм, золотые запонки, волосы приглажены до идеала — будто в его мире даже раскаяние должно быть аккуратным.

Равенар, напротив, в чёрной водолазке, тёмно-синем пиджаке и ботинках с намёком на рок-н-ролл. Как ни странно, ему идёт, несмотря на пожилой возраст. На запястье — браслет из обсидиана, на лице — лёгкая скука.

Если бы совесть имела два отдела, эти двое сидели бы в соседних кабинетах.

— Госпожа Петрова, — говорит Светозар своим безупречным голосом лектора по морали, — пройдите.

— А Виктор?

— Подождёт в коридоре.

«Подождёт». Как будто мы пришли не на допрос, а в поликлинику за справкой о разрушенной жизни.

Захожу. Пахнет странно — не кофе, не травами, а чем-то электрическим. Металлический привкус в воздухе.

На столе приборы — гибрид артефактов и айти-технологий, с голубой подсветкой. Денис бы умер от зависти.

Потрясающе. Неужели и правда вычислили нас несмотря на все предосторожности Виктора?

Светозар начинает с фирменной улыбки — той самой, от которой хочется подсыпать соль в его латте.

— Госпожа Петрова, благодарим за своевременное прибытие. Надеемся, вы проясните ситуацию.

— С удовольствием. — улыбаюсь я. — Вы только скажите, что конкретно у вас не прояснено?

Он пропускает сарказм мимо ушей, будто у него встроенный фильтр.

Равенар, щёлкнув тумблером прибора, запускает голограмму.

— Остатки аномальной связи между вами и Виктором Петровым показывают: магическая эмпатия существовала не менее года, — сообщает он с интонацией человека, объявляющего курс валют.

— А значит, — подхватывает Светозар, — Виктор Петров — маг не «с сегодняшнего утра», а давно.

Молчание звенит в воздухе, как струна.

— Не станете же вы утверждать, что магическая связь могла сформироваться между магом и человеком?

— Не стану, — холодно цежу я.

— И вы, — продолжает Светозар, — как маг-покровитель вашего питомца, не уведомили фракции об открытии у него дара год назад.

— То есть скрыли, — добавляет Равенар, с ленивой тенью улыбки. — Допустили сокрытие магической природы.

— Учитывая, что год назад Виктор Петров был питомцем Кассиана, прежнего главы тёмных, находящегося сейчас в тюрьме «Ловушка духа», а связь между вами существовала уже тогда… — Светозар делает эффектную паузу. — Было бы логично обвинить самого Виктора в том, что он скрывал свою природу мага. А вас — в соучастии.

Я молчу.

Равенар чуть склоняет голову, словно жалеет.

— На самом деле мы понимаем, что чувства — это сложно. Но закон — прост.

Светозар делает вдох — тот самый, который всегда предвещает приговор.

— Таким образом, Виктор Петров обвиняется в сокрытии магической природы, а вы, Алиса Петрова, — в укрывательстве факта открытия дара у вашего питомца.

И снова молчу. Ожидание растеклось в воздухе, как жжёная карамель

— В соответствии с Кодексом магических фракций, — продолжает глава светлых, — господин Петров должен будет через две недели на Переговорах выбрать сторону. Заявить, чьи ряды он желает пополнить: Стражей Рассвета или Хранителей Сумерек.

Слово «Переговоры» бьёт, как током.

Перед глазами — флэшбэк: я, год назад, на Переговорах доказываю своё право не принадлежать ни к одной из фракций и быть нейтральным магом. А Светозар громко орёт: «Недопустимо! Дар этой девчонки слишком силён. Я требую лишить её дара!»

А дальше — моя пламенная речь о том, что я выгодна обеим фракциям только как нейтральный маг. Моё предложение нового формата работы — вместе с Петровым — и моё обещание гарантий честности и прозрачности для фракций.

Они тогда почти согласились, но всё это было отвергнуто, потому что…

— Светлая фракция, — добавляет Светозар с вежливым ядом, — будет настаивать на лишении дара господина Петрова, поскольку его покровительница нарушила регламент.

Я мысленно чертыхаюсь. Ага, конечно, и только поэтому

они будут настаивать на лишении дара, так я и поверила. Наверняка сегодняшний всплеск показал, что Виктор — сильный маг, вот светлые и хотят сразу подрезать ему крылья.

— Разумеется, — продолжает Светозар, — если господин Петров пожелает остаться нейтральным, как он заявил до вашего прибытия, он может предъявить подвиг, полезное изобретение или деяние, совершённое на благо магического общества.

Он произносит слово «подвиг» с таким выражением, будто предлагает станцевать на раскалённой сковороде без подготовки.

Я вспоминаю свой «подвиг» год назад — как «спасла» светлых от магии Кассиана. Хотя, по правде, это «спасение» устроил тогда Виктор.

И теперь вопрос: кто спасёт его?

— До Переговоров, — заключает Светозар, — вы оба можете вернуться к своим обязанностям. Ваши роли в магическом обществе и должности будут пересмотрены после решения Совета.

Равенар усмехается, глядя на меня снизу вверх:

— Поздравляю, Алиса. У вас впереди две недели свободы. Используйте их правильно.

Я поворачиваюсь, иду к двери. Хочу просто уйти.

Без споров, без ещё одной «лекции о морали» под гул приборов.

— Это ещё не всё, — слышу за спиной голос Светозара.

Останавливаюсь. Медленно поворачиваюсь.

Он стоит у своего чудо-оборудования, будто это алтарь. Белый пиджак, безупречная укладка, лицо, подсвеченное магическим светом — недостаёт только нимба из неоновой рекламы «Идеальный светлый».

— Ваша нейтральность, госпожа Петрова, — произносит он, глядя прямо в глаза, — теперь тоже под вопросом. Совет может лишить вас статуса нейтрального мага за общественно порицаемые действия, наносящие вред магическому обществу.

— Что вы имеете в виду? — спрашиваю.

— Во-первых, вы вышли замуж за своего питомца. Такого скандала в магическом обществе ещё не было.

— Во-вторых, вы неоднократно нарушали регламент, опаздывали на заседания по прозрачности «Петров групп».

— И, наконец, — он делает паузу, — вы утаили, что ваш питомец — маг. Совет будет требовать вашего развода. Только так вы сможете сохранить нейтральность.

Что-то внутри меня будто перещёлкивает.

Не злость — нет. Просто предел терпения.

Мгновение — и я чувствую, как дар сам вырывается из-под кожи.

Я вскидываю руку.

Розовая струя огня вырывается из ладони и проносится в сантиметре над оборудованием Светозара, с шипением врезается в стену и гаснет.

Запах — жареный, почти кофейный. И лёгкий дымок.

— Что вы творите?! — орёт светлый, отскакивая

— Муха, — говорю ровно.

Смотрю на ладонь — она чуть дымится. Красиво.

— Что?! — визжит Светозар.

— Муха летала над вашей чудо-машиной, — поясняю. — Теперь нет.

— Да что вы себе позволяете?! — он краснеет, будто его только что обдали кипятком из кофемашины.

Равенар подходит, наклоняется над оборудованием, вытаскивает крошечное обугленное тельце.

— Действительно муха, — говорит и поднимает за крылышко. — Вот, взгляните.

— И вы туда же! — Светозар почти бьётся в истерике. —

Она же могла задеть меня!

— Кто, муха? — уточняю я.

Равенар отворачивается к окну, плечи вздрагивают. Я почти уверена — он смеётся.

Светозар трясёт рукой в воздухе, как знамением:

— Всё, Петрова! Бывшая Морозова! Или будущая — мне всё равно! Вон отсюда! И чтобы на Переговорах — были! Через две недели!

Я поправляю обручальное кольцо на пальце — оно чуть нагрето. От ладони ещё идёт лёгкий дымок.

Разворачиваюсь, шагаю к двери.

Цоканье каблуков по плитке звучит громче, чем любые аргументы.

***

Пентхаус сегодня от нас отдыхает. Или мы от него.

Ночуем с Виктором в моей хрущевке на четвёртом этаже. Весь вечер пьём иван-чай, который дала Виола, чтобы восстановить силы после потрясений.

И смеёмся. Долго, очень долго.

Сначала нервно, потом уже по-настоящему, до слёз.

— Ну, так-то это похоже на объявление войны, — говорит он после моего рассказа, когда дыхание возвращается.

— Они её первые объявили, — отвечаю. — А у нас, между прочим, у обоих сильный дар, а не так, декоративный. Думаю, пора, наконец, понять, на что он способен.

Он хмурится, но в глазах появляется блеск — тот самый, из-за которого однажды весь магический мир содрогнулся, а бывший глава тёмной фракции угодил в магическую тюрьму.

— Тогда едем к Учителю. Он знает, как работает сила. И точно подскажет, что это был за всплеск.

Рано утром пакуем вещи. Я достаю термос, две турки и пакет любимого кофе.

Виктор заводит внедорожник, мотор рычит, как недовольный кот.

Мы не чувствуем эмоций друг друга — связь между нами умерла, — но радость в воздухе отчётливая.

Я пишу Денису:

— Если нас спросят, скажи, что уехали в отпуск.

— В кавычках или без? — отвечает он почти сразу.

— Без. Но с намёком.

Выезжаем.

За окном серый рассвет и редкий дождь.

Дорога тянется, как послевкусие горького эспрессо — немного жжёт, но бодрит.

И впервые за последние недели я чувствую, что в этом мире что-то снова заваривается по-настоящему.

Глава 4. Отпуск

Если хочешь сблизиться с мужем, забудь про ужины при свечах и совместные медитации. Просто поезжай с ним куда-нибудь далеко. Часов на десять, без остановок, в одной машине. Вот это — настоящее свидание: ни отойти, ни спрятаться, ни выключить его ехидные паузы, когда он молчит так, будто за это получает премию.

Мы едем уже третий час. За окном — одинаковые поля, одинаковые указатели и редкие заправки, на которых кофе пахнет тоской и моторным маслом. Виктор за рулём, сосредоточен, как будто ведёт не внедорожник, а межмировой корабль. Я — рядом, в роли штурмана, который периодически говорит «вон там поворот» и получает в ответ философское «вижу».

Потом он начинает рассказывать. Не про магию, не про бизнес, не про Академию — про детдом. Как мальчишки пытались сварить «кофе» из коры дуба и пластилина, потому что им хотелось «чего-то взрослого». Как на выпускной в детдоме ему подарили книгу снадписью: *«Будь тем, кто нужен, но нужен всем»*.

Я слушаю — и мне весь путь хочется его обнять. Но нельзя: он за рулём, и если я хотя бы потянусь, мы точно свернём в философский кювет.

К вечеру подъезжаем к Саратову. Дорога вымотала — как

плохой растворимый кофе: бодрит, но с осадком. Решаем переночевать в гостинице, а к Учителю Виктора — Савелию Ардену поехать утром. Говорят, он живёт где-то в такой глуши, что туда не доезжает даже магическая доставка.

Гостиница попадается нам простая, но уютная — два этажа, ковровые дорожки, запах свежего белья и немного — пыли времён. В холле — автомат с кофе, который обещает «100% арабику», но на деле выдаёт философскую грусть с привкусом жженого сахара. Девушка на ресепшене улыбается с такой теплотой, будто сама сбежала в отпуск от фракций.

Мы ужинаем в придорожном кафе неподалёку. Тепло, светло, над окнами гирлянды, за стойкой старый кофейник, который шумит, как прибой. Котлеты, вопреки виду, оказываются вкусными, пюре — с маслом, чай — с мятой. Мир на пару часов снова кажется нормальным.

Виктор ковыряет вилкой еду и вдруг говорит:

— Я думал в дороге… Может, нам просто снова откупиться?

— Откупиться? — поднимаю бровь.

— Старославянскими обережными знаками. Теми, что остались после Переговоров в прошлом году.

— А у нас остались?

— У нас – нет, — он хмурится. — Два уже потратили: один — на «подвиг», второй — на то, чтобы меня оформили как твоего питомца, а не Равенара. Но у Учителя могут быть.

Пауза. Потом он тихо добавляет:

— А потом я решил, что хватит их раздавать. Слишком ценны. Надо придумать что-то радикальнее.

Я смотрю на него — и чувствую, что он уже что-то задумал. Вот это выражение лица — сосредоточенное, чуть усталое, но с искрой — у него бывает только в двух случаях: когда он придумывает новый план или когда варит кофе.

Отворачиваюсь к окну, чтобы не улыбнуться.

И замираю.

На обочине, среди редких фонарей, мелькает силуэт мотоцикла. На нём — девушка в шлеме с зеркальным визором. Куртка из плотной кожи, тёмные штаны, даже движение — узнаваемое: чуть напряжённые плечи, уверенная посадка. И на долю секунды мне кажется — это Соня.

Та же спина, тот же поворот головы, как будто она и правда глядит прямо на нас.

Мимо проезжает фура — и всё исчезает. Пустая дорога, редкие отблески фар, тишина. Наверное, показалось. Соне здесь взяться неоткуда. А если даже и не показалось… значит, наш «отпуск» официально начался с сопровождением.

Я делаю глоток остывшего кофе. Горчит. Но иногда горечь — это просто вкус опыта, который перестал притворяться сладким.

Как и жизнь: главное — не бояться, что она обожжёт язык. Потому что только обжёгшись, понимаешь, сколько в ней тепла.

***

Утро начинается с вибрации телефона. На экране — четыре сообщения.

Первое — от Равенара:

«Уважаемая госпожа Петрова! Фракция Хранителей Сумерек выражает готовность рассмотреть особые условия для вас и господина Петрова в случае сотрудничества. В дополнение — лучшие преподаватели Академии, доступ к архивам тёмных заклинаний и моя личная симпатия».

Как мило! Когда глава тёмных начинает флиртовать в деловом стиле, утро сразу обретает смысл.

Следом — второе, от него же:

«Я серьезно. Подумайте хорошо, Алиса. Нейтральность — это миф. Но вы можете выбрать сторону, прежде чем стороны выберут вас».

Хорошо сказал! Прямо в духе мотивационных постов в соцсетях: «выбери тьму — и жизнь заиграет красками».

Третье сообщение — от Светозара, и оно начинается с «Алиса, я в шоке». Дальше идёт сплошной укор: как я могла уехать в отпуск, не сдав отчёт по сделкам «Петров групп», когда «Совет ждёт цифры, а не ваши фото из отпуска». Я даже чувствую, как из телефона пахнет кипящей праведно-

стью.

И последнее сообщение — от Виолы:

«Помни, дорогая: магия не делится на светлую и тёмную. Она делится на ту, в которую веришь, и ту, которой боишься. Пей кофе с верой, а не со страхом».

Вот за что я люблю Виолу — она может вложить в одно предложение больше мудрости, чем Академия магов в три тома по «Этическому использованию чар».

Кладу телефон на тумбочку и думаю, что быть нейтральным магом в современном мире — это как ходить по минному полю в тапочках и с кружкой латте.

Фракции смотрят на тебя, как на странную помесь: вроде не враг, но и не свой.

Чтобы получить разрешение быть нейтралом, нужно совершить «подвиг». Благодаря Виктору я свой совершила год назад — спасла светлую половину Совета от магического обнуления. За это мне позволили остаться «в гостях». Всего на год. А теперь снова хотят отобрать эту нейтральность, как будто им самим есть куда её приложить.

Нейтралов вообще единицы. Их не любят — по привычке. У фракционных магов есть артефакты-отслеживатели, у нейтралов нет. Мы — белые пятна на карте магического контроля.

Фракции делают вид, что доверяют нам «по заслугам», но на деле просто боятся, что мы окажемся из подпольных серых магов, тех, кто делает амулеты невезения и проклятые чаи «от соперниц».

Такое у нас магическое братство: половина — герои, половина — подозреваемые.

***

Когда выезжаем к Савелию, дорога резко уходит между полей, и я спрашиваю:

— А чем он вообще занимается, твой Учитель?

Виктор ведёт машину уверенно, как будто знает направление на уровне интуиции.

— Официально — целитель. Лечит, собирает травы, живёт в своей деревне и никому не мешает.

— А неофициально?

— Изучает воздействие магической силы на тело и эмоции. Когда нужно, ему заказывают исследования сами главы фракций.

Я мысленно присвистываю.

— Рисковый дедушка.

Виктор усмехается.

— Когда я был питомцем Кассиана, мы с Савелием об-

щались тайно. Потом помог ему получить статус нейтрала. Предложил фракциям проводить через него исследования — так он стал «полезным обществу». А ещё… — он на мгновение хмурится. — У него есть обережные знаки древних славян. Те самые, я о них говорил вчера. Фракции не знают. Если бы знали — уже изъяли бы.

Ага, конечно изъяли бы! Светозар и Равенар сразу бы наложили лапу на такое сокровище.

Я смотрю в окно — просёлочная дорога уходит вдаль. На влажной глине чёткие следы шин мотоцикла. Холодок пробегает по спине.

Тёплый ветер из окна машины вдруг кажется холодным… Но мы уже приехали.

Дом Савелия стоит на окраине деревни — деревянный, с узорами на ставнях. Уверена, что каждый узор здесь не просто так. Внутри — чисто, пахнет травами и свежим хлебом.

Савелий встречает нас у порога — высокий, седой, с глазами цвета утреннего неба.

С Виктором — объятия, со мной — знакомство, пара вопросов, как добрались.

Объясняем, зачем приехали. Савелий кивает и вдруг говорит:

— Вечером приезжала девушка от тёмных. На мотоцик-

ле. Просила расшифровать голограмму остатков аномальной магической связи между двумя магами.

Отлично, всё, как я и думала: Соня. Значит, не показалось.

Она не просто следила — она уже передала от фракций нашу «связь» на исследование.

Виктор смотрит на Учителя, и по глазам видно — он понял то же самое.

— И что удалось расшифровать? — спрашивает.

Савелий чуть улыбается:

— Это секретная информация. Но со своим давним учеником я поделюсь. И с его женой.

Он делает паузу, глядя то на Виктора, то на меня:

— Вы пришли ко мне узнать, что с вашей связью. И я знаю только это: ваша связь — не магия. Это то, что позволило магии проявиться.

Слова звучат просто, но есть в них что-то, от чего всё переворачивается внутри.

Савелий продолжает:

— Ваша связь просто сменила уровень. Магическая часть

ушла, но осталась человеческая — та, что держит сильнее любой энергии.

На какое-то время воцаряется абсолютная тишина. Слышно, как ветер шумит листьями деревьев за окном и перебирает тяжелые занавески в комнате.

— Что вы напишете в отчёте для тёмной фракции? — наконец спрашивает Виктор.

— Правду, — отвечает Савелий. — Но только ту, которую они готовы услышать. Остальное пусть открывают сами. Иногда лучшее укрытие для истины — её половина.

Потом мы сидим за старым деревянным столом и пьём кофе. Настоящий. Горький, дымный, как память.

Я смотрю на Виктора — и понимаю, что больше не чувствую страха. Только странное спокойствие. И ощущение, что всё между нами действительно осталось — просто стало другим. Глубже.

Он поднимает глаза — и выглядит так, будто слышит мои мысли. Синхронность никуда не делась, это я ещё ночью поняла.

Только где-то на краю сознания давит предчувствие: будто гроза ещё не ушла из нашей жизни, просто сменила направление.

Я делаю последний глоток и думаю, что кофе без сахара — как магия без эффектов: сначала горчит, потом чувствуешь вкус настоящего.

***

Савелий наливает нам по второй чашке. Кофе у него густой, терпкий, с привкусом дыма и чего-то древнего — будто в нём заварена сама история магии, только без пафоса. Он смотрит на нас поверх кружки — спокойно, по-учительски, так, будто собирается выдать жизненный урок и сразу проверить, усвоили ли мы материал.

— Значит, теперь вы хотите знать, что означает сильный дар, — произносит он. — Для чего он и что с его помощью можно делать.

Мы с Виктором молчим, как два студента на пересдаче. Савелий выдерживает театральную паузу — он явно знает цену своим словам.

— Все думают, что это про власть, разрушение и мощь, — наконец говорит он. — Но это не так.

Я хмыкаю:

— Тогда про что? Про то, сколько чашек кофе можно выпить за раз, не потеряв сознание?

Савелий даже не моргает. Кажется, уровень его устойчивости к сарказму выше среднего.

— Сильный дар — это не сила, — спокойно говорит он. — Это способность удерживать магию, даже когда её ломают.

Я перевожу взгляд на Виктора. Он слушает серьёзно, чуть нахмурившись. Это его выражение лица я называю «режим

совещания».

— Дар проверяется не тогда, когда всё получается, — продолжает Савелий, — а когда рушится всё вокруг, а магия не теряет свою суть.

Он отставляет чашку и добавляет:

— Насколько я понял, вы оба это уже проходили.

Я открываю рот, чтобы возразить — мол, мы просто пытались выжить и не сойти с ума, — но Савелий поднимает ладонь.

— Как я уже сказал, ваша связь не магия, — произносит он спокойно. — По крайней мере, по известным на сегодня критериям. Она возникла как реакция на честность друг друга.

— На честность? — переспрашиваю я. — Ну да, конечно. Ага. Особенно в те времена, когда мы врали друг другу так уверенно, что сами начинали верить. — Кидаю взгляд на Виктора, он усмехается краем губ. — Мы тогда были честными ровно настолько, насколько сейчас "Зёрна истины" — о кофе, а не о пиаре.

Савелий улыбается — не снисходительно, а будто видит во мне знакомое упрямство.

— Вы можете шутить сколько угодно, Алиса, но именно честность делает вашу магию устойчивой. Не ритуалы, не артефакты, не приборы. Только то, что не врёт.

Я молчу. Потому что внутри понимаю: скорее всего, это правда. Та связь, что когда-то сжигала нам нервы, держалась не на магии, а на честности, которую мы даже не успели осознать.

— Светозар и Равенар боятся не того, что у вас сильный дар, — продолжает Савелий. — Они боятся, что вы можете действовать слаженно. Без приказов. Без контроля.

— А что в этом страшного? — спрашивает Виктор. — Просто два человека, у которых магия работает в унисон.

— Вот именно это и страшно, — говорит Савелий. — Потому что такое невозможно подчинить.

Он откидывается на спинку кресла, словно устал быть голосом разума.

— Вы думаете, что потеряли связь. Светлые и тёмные думают так же. Но она не исчезла, просто сменила форму. Сенсоры её больше не видят, но она есть. Поле не магическое, но устойчивое.

— Что вы хотите этим сказать? — уточняю я.

— Я хочу сказать, — отвечает Савелий, — что вы перешли туда, где магия перестаёт быть инструментом и становится состоянием. Это чистое поле, без примесей, поэтому его и не видно.

Виктор хмурится.

— Но если сенсоры его не видят, то по мнению фракций,

это не магия.

Савелий чуть усмехается.

— Вот тут и вступает в силу старый закон. Очень старый. Большинство о нём забыло, но он жив.

Я подаюсь вперёд.

— Какой закон?

— В Кодексе фракций сказано: «Если два мага создают стабильное поле, которое не классифицируется как известные системы магии, оно должно быть признано отдельным видом магии».

В комнате воцаряется тишина. Даже ветер за окном стихает, будто слушает.

— Значит, — говорю я, глядя на Савелия, — если наша связь не похожа на известные системы магии, то она…

— Отдельная магия, — спокойно заканчивает он. — Имеющая все шансы быть юридически признанной. Если вы докажете, что она стабильна.

Я перевариваю услышанное. Светлые и тёмные сами когда-то прописали закон, по которому мы можем выйти из-под их колпака. И просто “забыли” о нём.

Савелий поднимает взгляд.

— Вот чего они боятся. Не вашей силы. А того, что вы пе-

рестанете быть частью их системы и станете альтернативой.

Я качаю головой. Система против альтернативы. Классика. Только теперь — в магическом исполнении.

Вот только… Хватит ли у нас того, что делает магию устойчивой? Той самой честности. Или мы опять выдохнемся на полпути?

Учитель берёт чашку, делает глоток и добавляет:

— Магия всегда ищет равновесие. А равновесие ищет тех, кто не боится варить кофе без фильтров.

Я усмехаюсь.

— Похоже, «Без фильтров» — это теперь не просто название кофейни, а стиль жизни.

***

После разговора с Савелием наступает тишина — не неловкая, а та самая, в которой всё сказано.

Солнце клонится за лес, а в окне тянется длинная полоса вечернего света, будто кто-то небрежно провёл кистью по небу.

Виктор чинит дверь — ту самую петлю, которая скрипнула, когда мы вошли. Мужчина и инструмент, почти ритуал.

Савелий уходит во двор за травами «для баланса» — у него даже сбор листьев мяты звучит как философская прак-

тика.

А я выхожу на крыльцо.Воздух пахнет сырой землёй и сушёной мятой. Небо — густое, лиловое, и кажется, что если протянуть руку, то дотронешься до тишины.

И вдруг — далеко, где-то за деревьями, слышится гул. Низкий, ровный, с переливом.

Я узнаю этот звук: мотоцикл.

Савелий вдруг поднимает голову, будто уловил что-то невидимое — ту самую дрожь магического поля, которую мало кто способен почувствовать.

— Гостья к нам, — произносит он спокойно. — Из тёмной фракции, если я правильно чувствую энергетику.

И только после этих слов из-за деревьев появляется мотоцикл — будто мир решил подтвердить его догадку.

— А вот и доставка судьбы, — шепчу себе под нос.

Через несколько секунд у калитки останавливается байк, с него сходит девушка в чёрном.

Соня. Снимает шлем, волосы сбились в пряди, щёки красные от холода и скорости. В кожаной куртке и перчатках, вся как из рекламы «Тёмные выбирают надёжное». Только глаза усталые и настороженные.

— Добрый вечер, — говорит она ровным голосом. — Я от Совета. Мне нужно забрать результаты и подтверждение анализа голограммы, которую я вчера оставляла.

Голос официальный, но глаза скользят по мне, по Виктору — и на миг задерживаются.

Я улыбаюсь. Вежливо. Почти светло. Настолько, что любая комиссия по этике одобрила бы.

— Добрый вечер, — спокойно отвечает Савелий. — Проходите.

Соня делает шаг, потом будто оправдывается:

— Я просто выполняю поручение. Ничего личного.

— Конечно, — киваю я.

И думаю, что вот эти слова ещё никто не говорил без скрытого смысла. А Соня как-то слишком заметно нервничает. Кажется, не только за бумагами она сюда приехала.

Савелий, как ни в чём не бывало, наливает ей кофе.

— С дороги, — говорит он. — У нас принято пить, прежде чем задавать вопросы.

Соня, к моему удивлению, садится и берёт чашку.

На секунду мир снова становится простым: просто трое магов, один Учитель, кофе и вечер.

Виктор нарушает тишину:

— Так какие подтверждения требуются Совету?

Соня ставит чашку и достаёт из сумки на поясе кристалл записи — прозрачный, размером с ноготь.

— Формальные, — говорит она. — Совет хочет убедиться, что исследователь подтвердил результаты лично.

Ага, чтобы потом эти «формальности» можно было использовать как доказательство, если кто-то вдруг решит играть не по правилам. Очень предусмотрительно.

Савелий чуть склоняет голову.

— Ах вот как. Тогда, думаю, всё просто.

Он отходит к своему рабочему столу, достаёт несколько листов бумаги с записями.

— Вот отчёт. А теперь включайте ваш кристалл.

Соня чуть сжимает артефакт, тот мигает голубым светом.

Савелий произносит ровно, почти лекционно:

— Исследование завершено. Остаточное поле между Алисой Петровой и Виктором Петровым зафиксировано, но не классифицируется по критериям известных систем магии.

Ни слова лжи — и ни слова уточнения. Чистая дипломатия, поданная с видом научной объективности. Я едва удер-

живаюсь, чтобы не аплодировать: так звучит правда, замаскированная под протокол.

Он заканчивает, выпрямляется.

— Этого достаточно?

— Достаточно, — произносит Соня и выключает артефакт.

В голосе — облегчение. Или мне кажется.

Она благодарит всех и быстро выходит — слишком быстро, как человек, которому страшно, что его попросят остаться «ещё на минутку».

Дверь захлопывается, звук растворяется в тишине.

Я не выдерживаю — смеюсь и хлопаю в ладоши.

— Браво, маэстро! Чистая правда, ни одной зацепки, и при этом — шах и мат.

Виктор улыбается, Савелий чуть смущённо качает головой.

— Вот и всё, — говорит он. — Пока светлые и тёмные уверены, что между вами ничего нет, они вас не тронут. Это редкое время — пользуйтесь им.

— Отлично, — усмехается Виктор. — Пока они думают, что буря утихла, мы научимся направлять молнии.

Савелий одобрительно кивает:

— Слова мага, а не жертвы.

Пар от чашек всё ещё витает в воздухе — запах кофе держится упрямо, бодрит, будто предчувствует новые планы.

Я смотрю в окно — дорога пуста, но будто ещё звенит от проехавшего мотоцикла.

И думаю: игра только началась.

Глава 5. Катализатор Апокалипсиса

Дорога домой кажется бесконечной.

Всё уже знакомо — повороты, поля, запах бензина и кофе из термоса, который мы варили у Савелия. Только теперь в нём уже не дым и философия, а горечь и тревога — как будто магия выдохлась за эти три дня.

Я смотрю в окно и думаю: ну вот, мы вроде всё поняли. Дар — это не сила, а устойчивость. Связь — не магия, а честность. Савелий дал нам ответы, но не инструкции. Что теперь с этим делать — непонятно.

До Переговоров осталось уже не две недели, а десять дней. И если мы не предоставим подвиг, изобретение, спасение мира, — мой статус нейтрала аннулируют, а Виктору его даже не дадут. И что-то там ещё Светозар говорил про развод… Интересно, решится ли на такую подлость? Если да, то сильно пожалеет.

Я поворачиваюсь к Виктору. Он замечает мой взгляд и улыбается краешком губ — редкое, но всегда приятное зрелище.

На несколько минут даже становится тепло.

А потом въезжаем в город и накрывает ощущение: будто жизнь только и ждала, когда мы приедем, чтобы сразу обрушить новости.

Заезжаем в «Без фильтров» к Денису. Тот, как всегда, за стойкой. Волосы опять в разные стороны, на фартуке свежие следы корицы.

— О, кто это к нам пожаловал? Возвращение беглых магов, — протягивает он. — Кофе или алиби?

— Сначала кофе, — говорю я. — Алиби оставим на потом.

Он наливает нам по чашке эспрессо — густой, насыщенный, с нотами «пахнет бедой, но бодрит».

И достаёт из-под стойки запечатанный конверт с гербом Совета.

— Это вам. Принесли утром. Расписался в получении, потому что вы были недоступны.

Я беру конверт, смотрю на сургучную печать.

— Может, это поздравление с окончанием отпуска? — пытаюсь пошутить.

— Если поздравление, то очень официальное, — замечает

Виктор.

Вскрывает и читает надпись:

— «Приглашение к участию в Переговорах».

— Ясно. Теперь с печатями и на бумаге.
Денис поднимает бровь.

— Ну, у вас хотя бы отпуск закончился интересно. У меня максимум — спор с оборудованием и кофемолкой.

Я молча кладу письмо на стол.

Беру чашку. Кофе опять пахнет тревогой и проблемами.
— Ну что, — говорю я, делая глоток. — Добро пожаловать домой.

В голове всплывают слова Савелия: «Сильный дар — это способность удерживать магию, даже когда её ломают».

Похоже, скоро придется опять проверить, насколько это правда.
***
Дома тихо. Слишком тихо для того, чтобы не начать думать.

Я сижу на подоконнике в своей старой кухне, держу письмо Совета в руках. Оно как кусок холодного металла — безупречное, официальное и бездушное. Перечитываю ещё раз, надеясь найти зацепки.

Виктор сидит за столом с ноутбуком, иногда чертит что-то прямо на экране, иногда печатает.

— У тебя лицо человека, который собирается сделать что-то очень умное и опасное, — говорю я, делая вид, что не переживаю.

— Просто думаю, — отвечает он.

— Вот, я и говорю: опасное.

Он прерывается, смотрит на меня.

— У нас десять дней. Им нужны три вещи: от меня — «подвиг» или изобретение, чтобы дали нейтральный статус, от тебя — то же самое, чтобы не отобрали нейтральный статус, а от нас двоих — доказательство, что мы не создаём аномальных связей. Последнее — неофициально. Они просто хотят в этом убедиться.

— А мы как раз создаём, только хорошую связь. Сервис по честной магии. Без скрытых комиссий и с доставкой смысла на дом.

Уголок его рта чуть дёргается — почти улыбка.

— Савелий говорил, что устойчивость нашей связи — это реакция магии на честность.

— Угу, звучит как инструкция к отношениям: «будьте честны, и они не развалятся».

— Значит, если мы сможем показать, что честность может стабилизировать любое поле, — он поднимает взгляд, — тогда мы докажем, что это не аномалия. Это система.

— То есть ты хочешь сказать, — уточняю я, — что собираешься доказать Совету существование честной магии экспериментом?

Он кивает, спокойно, как человек, который уже неделю спорит с Вселенной и теперь просто докладывает о результатах.

— Савелий дал нам направление, но не формулу. Мы должны её найти сами. То, что он назвал «реакцией на честность», — это всего лишь наблюдение. Я хочу превратить его в систему.

— То есть в научную теорию, — говорю я. — Которую можно оформить, запатентовать и представить как подвиг.

— Именно, — отвечает Виктор.

И я понимаю, что он не шутит. И что, возможно, вот это и есть то самое «радикальнее, чем обережные знаки», о чём он говорил в дороге.

— Но тебе же нужен конкретный артефакт для Переговоров, — напоминаю я. — Что ты собираешься показать?

— Не один. Несколько.

Он разворачивает ко мне ноутбук, показывает на экран.

— Сеть стабилизаторов. Маленькие устройства, которые реагируют на эмоциональный фон.

— На эмоции? То есть сеть измеряет уровень честности?

— По сути — да. Если человек говорит правду, устройство чуть светится, но остаётся прозрачным. Если врёт — искажается поле, прозрачность теряется.

— Отлично, прозрачность рулит даже в артефактах.

Смеёмся чуть напряженно, словно студенты перед сессией.

Я смотрю на его схему — сплетение тонких линий, как сеть вен на ладони.

— И ты хочешь собрать это за десять дней?

— Придётся. Сделаем — и это будет наш «подвиг».

Пауза. Он усмехается, но глаза серьёзные:

— Если получится обеспечить стабильность этой сети, то она станет первым артефактом, работающим на новой форме магии.

— Ладно, — говорю, спрыгивая с подоконника. — Только при одном условии.

— Каком?

— Мы назовём проект «Формула Савелия». Чтобы хоть как-то прикрыться учёным авторитетом, если всё взорвётся.

Виктор усмехается.

— Договорились.

Мы оба смеёмся, но где-то под этим смехом уже чувствуется лёгкое напряжение — предвкушение, страх и азарт вперемешку.

***

Устраиваем лабораторию прямо на кухне.

Не потому что других мест нет, а потому что — где ещё варить честность, как не рядом с кофемашиной?

Стол завален проводами, чашками, листами формул, ко-

торые выглядят одновременно гениально и безнадёжно.

На стене висит доска с надписью: «Эксперимент №1. Проверка стабильности поля честности» — и под ней приписка Виктора: «осторожно, возможны сбои».

— Готова? — спрашивает он, надевая перчатки.

— Нет, но это же никогда никого не останавливало, — отвечаю я.

Он выстраивает кристаллы в форме круга, ставит между ними старую медную чашу — ту самую, в которой я раньше заварила иван-чай от тревог.

Теперь в ней кофе. Конечно. Потому что универсальный проводник, и всё такое.

— Мы подключим контур к эмоциональному резонатору, — объясняет Виктор. — Если поле стабильное, свет останется ровным. Если начнёт мерцать — значит, уровень доверия падает.

— То есть мы официально измеряем честность в люменах, — вздыхаю я. — Отлично. Сразу видно: наука будущего.

Он усмехается, крутит какие-то регуляторы настраивая поток. Воздух дрожит — как в момент, когда ты вот-вот прольёшь кофе, но ещё надеешься, что не успеешь.

Я чувствую лёгкое покалывание в пальцах — знакомое

ощущение, как будто магия тихо смеётся.

— Начинаем, — говорит Виктор. — Дыши ровно. Думай честно.

— А если мне хочется одновременно тебя обнять и придушить — это считается за честно?

— Абсолютно, — отвечает он. — Главное, не притворяйся.

Поток энергии пробегает между кристаллами. На чаше вспыхивает тонкое золотистое сияние. Ровное, устойчивое, будто само пространство решило на секунду выдохнуть.

— Работает, — шепчу я.

— Почти, — поправляет он. — Нужно проверить, как реагирует на стресс.

Он неожиданно делает шаг ближе и спрашивает:

— А ты всё ещё злишься за тот случай на Переговорах в прошлом году?

Сияние мигом дрожит, вспыхивает и гаснет.

— Отлично, — говорю я. — Теперь хочется ударить и придушить. А потом обнять. И кажется, у нас прибор, который фиксирует пассивную агрессию.

— Значит, реакция мгновенная, — удовлетворённо кон-

статирует Виктор, как будто это не он только что разрушил гармонию мироздания вопросом на ровном месте.

— Ты просто завидуешь, что магия предпочла моё эмоциональное разнообразие твоей холодной логике, — бурчу я.

Он смеётся. Кристаллы вспыхивают снова — мягко, ровно. Поле стабилизируется.

— Вот, видишь, — говорю я. — Даже магия понимает, когда я права.

Мы стоим рядом, и воздух между нами тихо вибрирует, как будто всё вокруг подслушивает этот разговор. Мир снова ровный, как поверхность свежесваренного кофе — спокойный только до первого вздоха.

Виктор делает пометку в блокноте:

«Честность стабилизирует поле. Самоирония усиливает эффект».

Я заглядываю через плечо и добавляю ручкой:

«Но только если не переборщить с сарказмом».

Он кивает.

— Тогда назовём это «Формула Савелия — версия 1.0».

Я улыбаюсь:

— Великолепно. А когда будет версия 2.0?

— Когда мы научимся не разрушать эксперимент ссорой, — отвечает он.

Я ставлю перед ним новую чашку кофе.

— Тогда, боюсь, это уже будет версия 300.0. Но кто сказал, что путь к магии третьего вида лёгкий?

Воздух пахнет дымом, кофе и будущими открытиями.

И где-то в этой смеси, между смехом и легким электричеством в пальцах, я чувствую: связь между нами действительно жива. Просто теперь у неё новый язык.

***

Через пару дней я решаю, что нам нужен «честный бета-тестировщик».

И кто, как не Виола справится с этим лучше всего?

Она появляется на пороге ровно в тот момент, когда я вытираю со стола очередные следы магического кофе.

— Так, — говорит она, медленно снимая плащ. — Если вы изобрели что-то, что бурлит, светится или повышает самооценку, я несу страховку.

— Не повышает, — отвечаю я. — Проверяет.

— Что именно?

— Честность.

Она приподнимает бровь.

— Прекрасно. А то я давно хотела проверить, насколько честны мои ученики, когда они хором уверяют, что выполнили домашку.

Виктор как обычно спокоен, как лабораторный протокол.

— Мы создали устройство, которое фиксирует стабильность магии через искренность эмоций.

— То есть если совру — оно взорвётся?

— Скорее померкнет, — уточняет он.

— А если промолчу?

— Тогда и посмотрим, — говорю я.

Ставим чашу в центр стола, запускаем кристаллы. Воздух сразу густеет, как пар в кофейне в час пик.

Я киваю Виоле:

— Просто отвечай на вопросы, как есть.

— Хорошо.

— Любишь ли ты правду?

— Когда она красивая.

Кристаллы мерцают золотым.

— Пьёшь ли ты кофе после полуночи, хотя обещала себе не пить?

— Каждый раз.

Сияние ровное.

— Подмешиваешь ли ты в свои напитки магию?

Виола делает глоток, хмыкает:

— Только если клиент слишком занудный.

Кристаллы вспыхивают ярче — прямо как свечи на торте, который вот-вот взорвётся.

— Ого, — говорю я. — Кажется, наше поле решило перейти в праздничный режим.

Виктор щурится, делает пометки.

— Резонанс усиливается при самоиронии, — бормочет он. — Интересно.

Но тут Виола вдруг становится серьёзной.

— А если спросить не про кофе?

— Попробуй, — разрешаю я.

Она смотрит прямо на Виктора.

— Ты любишь Алису?

Тот успевает бросить короткое «Конечно», и в тот же момент чаша вспыхивает ослепительным светом.

Не просто золотым — белым, как солнечный луч через призму.

Свет заполняет кухню, воздух вибрирует, кристаллы гудят, как будто их зарядили до предела. Мало того — они начинают с шумом искрить, словно кто-то решил устроить в моей крошечной кухне фейерверк.

Я успеваю только пригнуться, прикрыв рукой голову, и сказать:

— Ох, Виола, ну ты прям катализатор Апокалипсиса!

— Не я, а ваш прибор! — кричит она сквозь треск.

Когда всё стихает, стол едва не дымится, а чаша продолжает светиться ровным, живым светом.

Виктор моргает, пытаясь прийти в себя.

— Это было… неожиданно.

— Это была романтическая катастрофа, — вздыхаю я. — Надеюсь, Совет не потребует отчёт о побочных эффектах.

Виола тихо смеётся.

— Поздравляю, ребята. У вас не просто прибор. У вас магия, которая реагирует на чувства.

— Ну да, — отвечаю я. — То есть теперь любая ссора — это потенциальный энергетический взрыв. Как мило.

Виктор уже полностью вернулся в рабочий режим, щёлкает кристаллами, фиксирует показатели.

— Поле стабильное, — говорит он. — Даже после всплеска.

Я киваю, глядя на чашу, в которой всё ещё тихо мерцает свет.

— Значит, сеть выдержала. И, похоже, мы тоже.

Виола поднимается, делает шаг к двери и бросает через плечо:

— Мне пора! Главное — не забывайте, что любая честность требует дозировки. Передоз — и даже магия не спасёт.

Дверь за ней закрывается. А в кухне остаётся аромат кофе и едва уловимый привкус правды.

Я облокачиваюсь о стол, смотрю на Виктора:

— Ну что, профессор стабильности, как тебе наш эксперимент?

Он улыбается:

— Думаю, это первый в истории случай, когда магию стабилизировали признанием в любви.

— Отлично, — говорю я. — Значит, в отчёт напишем: «полевые испытания прошли успешно, побочные эффекты — романтические».

Кофе на столе ещё немного светится, словно слушает и соглашается.

Глава 6. Отчаяние и «Каракулеметр»

Есть два типа магов-изобретателей: одни создают устройства, чтобы изменить мир, другие — чтобы доказать, что не зря не спали три ночи подряд.

Кажется, мы — второй тип. Причём с премией зрительских симпатий за круги под глазами.

Виктор и Денис уже третий вечер подряд сидят над столом, заставленным паяльниками, камнями, амулетными платами и кристаллами, в которых мерцает энергия. На вид — лаборатория, на слух — пчелиный улей в фазе нервного срыва.

Я стою у стены, пью кофе и наблюдаю, как двое взрослых мужчин спорят, на какой частоте лучше резонирует честность.

— Итак, — говорит Виктор, глядя на схему, — мы заменили кофейный проводник на рубиновую матрицу, поле теперь должно стать стабильнее. Кофе был слишком непредсказуем.

— Как и женщины, которые его пьют, — бормочет Денис.

— Эй, я всё слышу, — говорю сладким голосом. — И напоминаю: без кофе вы оба бы уже перепутали минус с плюсом.

Виктор не отвлекается.

— В камни, в отличие от кофе, можно заключить магию надолго, они работают, как накопители. Что мы и сделали. Надеюсь, теперь артефакт станет автономным. Без заваривания, без ритуалов.

— То есть без меня, — уточняю я.

— Без необходимости варить, — дипломатично поправляет он.

Отлично. Я официально проигрываю камням и магическим кристаллам.

Денис кладёт паяльник.

— С моей платой этот артефакт будет не просто измерять честность. Он сможет визуализировать её — рисовать голографические узоры из энергии.

— То есть, если кто-то соврёт, устройство нарисует портрет? — интересуюсь я.

— Пока не знаю. Может, автопортрет, — бурчит Денис.

Работаем над артефактом по вечерам, потому что днём

едва успеваем разруливать дела в «Петров групп» — там, кажется, уже пора проводить психотерапию для сотрудников, переживших магические всплески начальства.

Моя работа над изобретением пока заключается в том, чтобы варить кофе, реагировать сарказмом на фразы вроде «добавить эмпатию в контур» и не трогать паяльник. Последнее особенно важно.

Сегодня третий вечер, когда мы по плану должны подключить и проверить устройство.

Наконец, паяльники отложены в сторону.

Артефакт гудит, вспыхивает мягким голубым светом, и Денис торжественно объявляет:

— Проверка связи! Алиса, скажи что-нибудь максимально честное.

Кладу руку на специальную панель и говорю:

— Я устала, хочу спать, а вы оба выглядите как герои фильма «Сумеречный зомби».

Артефакт вспыхивает — и в воздухе появляется кружевной узор. Что-то абстрактное, витиеватое... отдалённо напоминающее кота. Или облако. Или моё состояние после трёх ночей без сна.

— Какой милый котик! — говорю я. — Может, прибор намекает, что правда пушистая, но царапается?

Виктор моргает.

— Это... нормально?

— Конечно, — говорит Денис. — Это просто отклик поля.

Он хлопает в ладоши.

— А красивая арт-инсталляция! Как вы там хотели его назвать? «Формула Савелия»? Можно назвать «Магический сюрреализм».

— Лучше «Каракулеметр», — говорю я, — Измеряет каракули совести.

Мужчины смеются, и я понимаю, что рабочее название прижилось.

Проверку решаем провести повторно — вдруг «Каракулеметр» просто закоротило.

Денис уверенно отключает и снова включает устройство. Оно шумит, как старый чайник, и начинает светиться изнутри.

— Хорошо, — говорит Виктор. — На этот раз проверим ложь.

Он смотрит на меня:

— Алиса, скажи что-нибудь неправдивое.

Опять кладу руку на панель и смотрю в потолок.

— Ладно. Я не люблю кофе.

Кристалл мигает, гудит... и снова выдаёт тот же узор. Абстрактное нечто, подозрительно котообразное. Только теперь это похоже на кота в сапогах и с наглой ухмылкой.

Мы втроём одновременно произносим:

— Что?!

Денис растерянно щёлкает кнопками:

— Может, он не понял команду?

— Или понял слишком хорошо, — говорю я. — Похоже, Каракулеметр считает, что врать — это тоже форма искренности.

— Или он просто нас троллит, — бурчит Виктор.

Денис вздыхает.

— Хорошо, теперь я, — он на секунду задумывается. — Я уверен, что мы не зря это затеяли!

Артефакт послушно оживает, излучая мягкое сияние, и… снова рисует абстрактного кружевного кота из светящихся

линий. Только теперь с чем-то похожим на чашку в лапах.

Я закрываю глаза, потому что смех уже не удержать.

— Всё ясно. Он просто намекает, что нам нужен кот. Чтобы хоть кто-то в этом доме мурлыкал, когда все остальные психуют.

Виктор смотрит на голограмму и хмыкает:

— Может, он намекает, что честность — понятие с хвостом.

— С последствиями, ага, — добавляю я. — Или что правда иногда приходит в сапогах и с наглым видом.

Каракулеметр мягко гаснет, словно соглашается.

Мы молчим. Денис ковыряется в панелях, Виктор что-то записывает, а я просто сижу, уставившись в пустоту, где минуту назад висел сияющий кот в сапогах.

От усталости даже сарказм выветрился.

Воздух — густой, как пережаренный сахар.

Денис зевает и, буркнув что-то про «техническое безумие», уходит домой.

Когда дверь за ним закрывается, в кухне становится тише, чем в библиотеке.

Кристаллы и камни молчат в тишине, а мы сидим на кухне. Я, Виктор и чай — скромная, но честная компания. В воздухе пахнет мятой и недовольством.

— Может, всё-таки вернёмся к кофе? — предлагаю я.

— Нет, — устало отвечает он. — Мы должны найти способ стабилизировать магию без посредников.

— Звучит, как манифест против кофейной зависимости.

Он не отвечает. Только крутит в пальцах остывшую чашку. Тишина вязкая, как сироп.

Потом вдруг говорит:

— Знаешь, а кота было бы неплохо завести.

Я поднимаю взгляд. Он серьёзен. Совершенно.

— Зачем? Чтобы Каракулеметр не чувствовал себя одиноко?

— Нет. Как ты сказала — чтобы в доме хоть кто-то мурлыкал, когда всё летит к чёрту.

И тут меня прорывает. Я смеюсь — громко и от души.

— Всё. Теперь я точно знаю: кризис проекта официально достиг стадии бреда.

Он смеётся в ответ. Напряжение спадает. Потом долго пьём чай и молчим — каждый о своём.

И внутри, где-то под усталостью, живёт странное чувство: будто в этих каракулях из света и неудачных формул действительно есть своя правда.

Просто мы пока не умеем её читать.

***

Следующим вечером в кухне будто висит прозрачная взвесь из тревожного ожидания. Даже кофе варится тише, чем обычно — как будто боится привлекать внимание.

Я ещё не успеваю допить свою чашку, как звонит домофон. Беру трубку и слышу голос Сони: «Мне можно войти?». Открываю.

Соня приходит не одна, а с двумя магами в почти одинаковых тёмных плащах. Едва успеваю подумать, что как-то многовато народу на мою скромную однушку — мы же сегодня опять работаем с Денисом, как вся компания вваливается в кухню.

— Проверочная комиссия, — произносит Соня. — Совет

хочет убедиться, что ваши эксперименты не нарушают фракционные нормы взаимодействия энергий.

Виктор поднимает взгляд от чертежей.

— То есть теперь даже воздух между чашками кофе проверяют на соответствие кодексу?

— Если он содержит магическую примесь, — парирует Соня.

Я вежливо улыбаюсь.

— Отлично. Тогда предупреждаю сразу — у нас в воздухе стойкий аромат честности и мятного сиропа.

Соня делает вид, что не услышала сарказм. Один из её спутников ставит на стол какой-то артефакт — похожий на коробку для леденцов, которая шипит и издает неприятный низкий гул. Второй начинает что-то чертить в воздухе, создавая едва заметные искажения поля.

Воздух мгновенно начинает шуметь — не звуком, а ощущением. Как будто внутри черепа включили радиопомехи. «Каракулеметр» на столе загорается всеми цветами сразу, узоры вспыхивают и гаснут, словно его колбасит от нервного срыва.

— О, — говорю я невинно, — похоже, наш прибор испытывает эмоциональное выгорание.

Виктор спокойно делает глоток кофе.

— Не прибор, — отвечает он. — Пространство.

Соня прищуривается:

— Если устройство неустойчиво под внешним воздействием, его нельзя считать стабильным.

Виктор поворачивается к ней и говорит всё тем же ровным голосом:

— Тогда, может быть, вы протестируете его на себе? Ничего личного, просто ради чистоты эксперимента.

Соня моргает. Видно, что хотела бы отказаться, но это же её комиссия, её маги — не покажет слабость.

— Хорошо.

По знаку Виктора она кладёт ладонь на панель прибора.

— Скажите что-нибудь, — предлагает Виктор.

Никто из нас не спешит объяснять назначение артефакта, но всем любопытно, что же будет дальше.

— Как бы вы тут ни старались, ничего у вас не выйдет. — холодно говорит Соня.

Каракулеметр мягко вспыхивает и начинает рисовать что-то очень сложное: спирали, линии, клубки — узор живёт своей жизнью, то складывается в лицо, то расплывается в цветочный орнамент.

Наконец, движение световых линий останавливается, и в воздухе повисает сложный абстрактный узор.

Я смотрю с самым серьёзным видом, будто читаю медицинское заключение.

— Диагноз: хроническое переутомление, — говорю тоном лектора. — Рекомендуется тропический остров, солнце, песок, предпочтительно — без коллег и проверок.

Денис, всё это время стоявший у двери, тихо хмыкает, не выдержав.

Соня убирает руку с прибора, лицо у неё каменное.

— Ваши шутки могут вам дорого стоить, — она разворачивается к двери.

Первый тёмный хватает со стола свою коробку от леденцов, второй стирает пентаграмму. Громко хлопает дверь.

Помехи в воздухе тут же рассеиваются. Каракулеметр светится мягко — будто облегчённо выдыхает.

Я откидываюсь на стул.

— Похоже, прибор научился определять уровень токсичности визитёров.

— Или просто научился вежливо посылать, — спокойно

добавляет Виктор.

Мы переглядываемся. Смех отчасти заглушает тревогу, но ненадолго.

Греет мысль, что если даже Каракулеметр с нами, значит, у нас ещё есть шанс.

И да, кажется, кота всё-таки придётся завести.

Глава 7. Кризис накопленного кофеина

До Переговоров остаётся четыре с половиной дня.

Мы с Виктором и Денисом снова на кухне. То есть в нашей мини-лаборатории. То есть — в официальном филиале магического хаоса.

Стол усыпан деталями, схемами, проводами и амулетными платами; на подоконнике груда камней и кристаллов; в раковине — кружки, внутри которых кофейная гуща уже начала подавать признаки жизни.

Запах в воздухе — смесь флюидов отчаяния и паяльного дыма.

— Знаешь, — говорю я, — когда Савелий говорил, что путь к истине лежит через труд, он явно не имел в виду однушку на сорок квадратов и три ночи без сна.

— Он имел в виду настойчивость, — бурчит Виктор, проверяя контакты.

— Ага, и, возможно, галлюцинации от кофеина.

На столе — наш гордый эксперимент, который я всё ещё называю Каракулеметр.

Круглый, чуть выпуклый корпус из металла, в центре — рубиновая матрица, а по краям — шесть прозрачных кристаллов. Когда он включён, всё это сияет мягким светом, словно прибор слегка дышит. Красиво, если не знать, что внутри живёт воплощение научного и магического абсурда.

— Напоминаю, — говорит Денис, — при последней итерации я заложил туда кофейные руны эмоций из Кофейного кодекса. У каждой руны свой смысл: искренность, страх, сомнение, вдохновение, сарказм… И далее по списку.

— И где они? — спрашиваю я.

Он нажимает кнопку активации.

— Алиса, скажи что-нибудь искреннее.
— Я уже не рада, что с этим связалась...

Рубиновая матрица вспыхивает, кристаллы отзываются светом — и над прибором рождается кружевное облако линий, напоминающее кота.

— Ну, почти руна, — говорю я. — Руна котолюбия.

— Да чтоб его… — Денис хватается за голову. — Он должен был рисовать руну искренности!

Виктор спокойно отпивает кофе:

— Может, кот — это символ искренности. Он ведь всегда искренен, особенно когда дерёт диван.

Мы решаем провести тест лжи.

Я кладу ладонь на сенсорную панель.

— Я люблю этот прибор, — говорю без единой эмоции.

Матрица вспыхивает.

Кот.

Теперь ещё с хвостом в форме сердечка.

— Отлично, — говорю я, — он определил, что я лгу, и поддержал эмоционально.

Виктор качает головой:

— Он издевается.

— Нет, — отвечает Денис, — он вышел за пределы бинарной логики правды и лжи. Он художник, он так видит.

— Мы создавали прибор для измерения честности, а получили прибор для арт-инсталляций, — вздыхаю я.

Смеёмся, но больше от бессилия.

Виктор закрывает глаза и прижимает ладони к вискам.

— Мы же были так близко! Всё должно было сработать.

— Если «близко» — это про нервный срыв, то да, мы к нему близко, — говорю я.

Пробуем ещё раз.

Виктор:

— Я не думаю, что всё это зря.

Кот.

Я:

— Я думаю, что всё это зря.

Кот.

Денис:

— Я думаю, что вы оба свихнулись.

Кот.

Молчим, глядя, как светящиеся линии дорисовывают очередную кошачью абстракцию.

— У меня ощущение, что это он нас тестирует, а не мы его, — говорю я.

— Могу ещё раз перепаять схему, — предлагает Денис. — Проверю заодно, нет ли ошибки в матрице.

— А я схему проверю, — говорит Виктор.

Денис ворчит, включает паяльник.

Я чувствую, как усталость накатывает липкой волной.

— Может, перейдём обратно на кофейный проводник? — предлагаю я. — Кофе хотя бы чётко отличает правду от лжи.

— Кофе — это костыль, — отвечает Виктор. — А мы должны сделать стабильный и автономный артефакт.

— Звучит, как инструкция к саморазрушению, — бурчу я.

Готовимся к четвёртому перезапуску «автономного артефакта».

И тут звонит телефон.

Виола.

Голос — тревожный, с надломом:

— Алиса, мне нужна помощь. Один из моих учеников в магической коме. Целители из светлых не справились: физически он здоров, но сознание не возвращается. Магический откат.

— Так вы же с Дмитрием магический откат иван-чаем лечите, — удивляюсь я.

— Именно. Но его не напоить — он без сознания. Я прошу, приезжайте. Может, вы что-то почувствуете или заметите, сейчас любая помощь важна.

Мы с Виктором переглядываемся.

Денис поднимает голову:

— Едем?

— Конечно, едем, — говорю я. — После такого не отказывают.

Собираемся быстро. Куртка, документы, телефон.

И — машинально — я хватаю Каракулеметр.

Почему-то думаю, что — он ведь улавливает колебания эмоций. Ну, должен во всяком случае. А магический откат — по сути, сбой эмоций, эмоциональное выгорание. Может уловит что-нибудь…

***

Здание кофейни «Зёрна истины», которая теперь стала «Школой курсов по лечению магического отката», выглядит так, будто его случайно перепутали с декорацией к историческому фильму, а потом забыли вернуть в девятнадцатый век.

Тёмно-коричневые стены, резные наличники, массивная дубовая дверь с медными заклёпками и ручкой в форме львиной головы. Только льву, кажется, уже надоело держать рот открытым — у Виолы здесь поток учеников нескончаемый.

Входим в холл.

Внутри пахнет мятой, лавандой, чуть-чуть карамелью и кофе.

Виола встречает нас в дверях кабинета.

На ней длинный серый халат поверх платья, похожий на одеяние монастырского алхимика, и серьёзное лицо, за которым обычно прячется мягкая ирония.

Сегодня иронии нет.

— Спасибо, что приехали, — говорит она. — Он вон там.

На кушетке лежит мальчик — лет пятнадцати. Лицо спокойное, но чересчур бледное, будто свет изнутри потух. Рядом — прозрачный шар диагностики: внутри всё чисто, без следов повреждений.

— Светозар вот только что уехал. Физически мальчик здоров, — тихо говорит Виола. — Но сознание закрыто. Дар не отвечает. Магический откат, но какой-то… особый. Словно не выгорание, а внутренний конфликт. Мы пытались вывести его запахом трав, ароматическими свечами, но эффекта ноль.

Мы с Виктором переглядываемся. Я ставлю на стол Каракулеметр, просто чтобы не держать его в руках — прибор тяжёлый, и рубиновая матрица неприятно холодит ладони.

Свет от ламп отражается в кристаллах, и кажется, будто внутри него что-то дышит.

— Может, попробовать просканировать? — предлагаю я.

— Он не работает, — вздыхает Виктор. — Мы не знаем даже, что он показывает.

— А вдруг покажет хоть что-то, — говорю я. — В конце концов, хуже уже не будет.

Виола кивает.

Я включаю прибор, прикладываю к руке мальчика. И рубиновая матрица мгновенно вспыхивает алым, потом золотым.

В воздухе рождаются линии — мягкие, плавные, словно кто-то рисует светом.

Мы замираем.

Потому что линии впервые складываются в знакомые кофейные руны — те самые, из Кофейного Кодекса, которые Денис вшил в схему.

Руны повторяются в последовательности: «ожидание — вина — надежда — сопротивление — свет».

Красный с золотым свет рисует их снова и снова.

Строчка за строчкой. Словно артефакт говорит стихами.

Виола подходит ближе, смотрит внимательно, и на лице

появляется изумление:

— Боги… это же карта эмоционального узла. Конфликт дара и воли. Он не может принять, что его магия исходит из страха. Вот почему дар заблокировался — вина и защита от самого себя.

Я тихо добавляю:

— Возможно, он выгорел, потому что не хотел быть честным с самим собой.

— Именно, — говорит Виола. — Дар нельзя подавить, не разрушив источник. А вы — сделали прибор, который видит этот конфликт.

Виктор молчит, но я чувствую через нашу связь, что он ошарашен, как и я.

Виола закрывает глаза, словно собираясь с силами, и начинает работать.

Её пальцы движутся по воздуху над телом мальчика, точно повторяя последовательность рун — ожидание, вина, надежда, сопротивление, свет.

Мальчик на кушетке дёргается, его веки вздрагивают.

Руны постепенно меняются: «вина» растворяется, остают-

ся «надежда» и «свет».

Через минуту он делает глубокий вдох и открывает глаза.
Тишина.

Виола с облегчением улыбается:

— Всё. Он вернулся. Вы… даже не представляете, что сделали.
Мы стоим молча. Даже Денис серьёзен как никогда.

Потом Виола медленно говорит:

— Целители видят физическое состояние человека. А ваш прибор… он видит эмоциональное. Внутреннюю ложь, внутренний надлом. Это не детектор лжи, как то, что у вас было раньше, Алиса. Это зеркало, которое отражает несогласие между тем, что человек чувствует, и тем, что он себе позволяет.
Я смотрю на Каракулеметр, и мне кажется, что рубин в центре тихо мерцает, как сердце.

— То есть, — тихо говорю я, — мы пытались измерить правду… а нашли способ диагностировать внутреннюю ложь.
Виола смеётся.

Мальчик снова засыпает — но уже спокойно.

Виола просит Виктора перенести ученика из лаборатории в комнату отдыха, где есть удобные кровати. Она уже позвонила его родителям, его скоро заберут.

Мы все выходим в холл. Виола и Виктор с учеником на руках скрываются в комнате отдыха.

А я поворачиваюсь к Денису.

— Знаешь, — говорю ему, пытаясь уложить в сумку Каракулеметр, — ты, вообще-то, чертов гений.

Он моргает, будто не уверен, правильно ли расслышал.

— Что, правда?

— Ну да. Кто бы ещё догадался загрузить в артефакт кофейные руны? Маги с двадцатилетним стажем до такого не доходят, а ты — бариста из мира людей, без магии. И всего за год в магическом мире не только не сломался, но ещё и выдаёшь лучшие технические идеи!

Он улыбается — широко, по-детски, с тем самым выражением, когда человек впервые осознаёт, что его хвалят не из вежливости.

— Спасибо, Алис. Ты не представляешь, как мне это важно.

И вдруг — подхватывает меня на руки и кружит.

Абсолютно спонтанно. Как будто в нём прорвалось всё накопившееся за эти дни — напряжение, радость, усталость и кофеин.

Я смеюсь, машинально хватаюсь за его плечи, а внутри что-то щёлкает: флэшбэк — точно так же недавно кружил меня Виктор.

Тот самый момент, когда кажется, что земля исчезает, а воздух держит над полом только потому, что ты доверяешь.

И тут — голос.

— Денис, как ты мог?!

Мы оба замираем. Денис ставит меня на пол, придерживая за талию, чтобы я не упала.

Из-за угла холла, где стоит кофейный автомат, появляется Алина — его девушка.

Розовые волосы, как у сказочной куклы, только глаза сейчас блестят от слёз, и это выглядит не по-сказочному.

— Я, значит, думаю, куда ты пропал? На звонки не отвечаешь. А ты, значит, с этой… с этой…

Она запинается и делает шаг назад.

— Алина, подожди! — говорит Денис, но она уже вылетает из двери.

Звон колокольчика над дверью звучит, как удар по нервам — звонкий и беспощадный.

Я стою посреди коридора, с чувством, будто внезапно попала в плохую мыльную оперу.

— Алиса, что это значит? — слышу за спиной.

Похоже, мыльная опера продолжается.

Оглядываюсь — Виктор. Он стоит в дверях аудитории, где только что помогал Виоле.

Смотрит на меня.

И тут понимаю, что Денис всё ещё держит меня за талию. Идеальный тайминг, мироздание, спасибо.

Тот самый ледяной взгляд Виктора, который раньше предназначался только для Светозара и Равенара, теперь направлен на меня.

Всерьёз думаю: вот она, карма за все мои саркастические комментарии о любовных драмах.

— Ничего, — говорю я. — А на что похоже?

Молчание повисает густое, как пережжённый сироп.

Осторожно отстраняюсь от Дениса.

Тот всё ещё не врубается в масштаб катастрофы, копается в телефоне, потом поднимает взгляд и говорит совершенно искренне:

— Простите, я должен догнать Алину.

И выбегает из «Зёрен истины».
Остаёмся вдвоём.

— Это не то, что ты подумал.

— Правда? — в его голосе холод, ровный, как идеально отполированная чашка. — А что я подумал?

— Что я стояла, а он… просто кружил меня.

— Прекрасное объяснение, — кивает он. — Технически безупречно.

Он разворачивается и идёт к выходу.

— Виктор! — я бросаюсь за ним. — Я всё объясню! Это правда не то, что ты думаешь!

Про себя кручу мысль, что в сериалах обычно так говорят, когда герой действительно всё понял правильно.

Никогда не думала, что окажусь живым примером дешёвой мелодрамы.

Мне никто не отвечает.

Дверь с медной ручкой львиной головы закрывается за ним мягко, как пауза перед последним аккордом.

Я стою у двери, сжимая в руках сумку и Каракулеметр. Рубиновая матрица внутри тихо мерцает.

Смешно — прибор, который видит внутренние противоречия, сейчас светится, как новогодняя ёлка, но ничего не рисует.

В холл выходит Виола.

Смотрит на меня поверх очков.

— Нет, ну ты видела? — киваю на дверь, хотя Виола не

могла ничего видеть, максимум — слышать.

— Кажется, теперь выгорела не магия, а чувства? — говорит она, будто действительно видела всё.

Я выдыхаю.

— Похоже на то. Но ведь он умный человек, что за глупые вопросы? — я понижаю голос: — «Алиса, что это значит?»

Виола улыбается.

— Любовь глупа. Да, кто-то говорит, что слепа… Но я считаю, что именно она заставляет делать глупости.

— И что мне теперь делать?

— Иди. Иногда надо просто поговорить. Некоторые откаты не лечатся чаем, ты сама видела.

Я киваю, вешаю сумку с артефактом на плечо и выхожу на улицу.

На звонки никто не отвечает. Прекрасно.

Почему всё так глупо? Почему он так на меня посмотрел?

Наверное, потому что этот жест — вот так кружить — слишком *его жест*. Слишком личный, что ли…

Но когда бы я успела это объяснить Денису, если тот даже в лучшие годы нашей дружбы ни разу меня не обнял?

Мы — горе-изобретатели, переругались в хлам за секунду до успеха.

А ведь надо тестировать прибор уже в новой роли, чтобы понять комбинацию рун для сложных случаев.

Ветер пахнет кофе и осенним воздухом.

Иду по сумеречным улицам и с тоской вспоминаю наш кофейный измеритель правды, который действительно её измерял.

Думаю о том, что если бы прибор у меня в сумке умел читать правду прямо из сердца, он бы показал — я не врала.

Но нет, Алиса, не надейся — это просто эмпатический сканер. Кстати, вот и новое название для артефакта!

Хотя… возможно, самый надёжный сканер у меня внутри — наша связь с Виктором.

Которая сейчас почему-то молчит.

И от этого становится по-настоящему страшно.

Глава 8. Выгорание искренности

Я иду по улице, пытаюсь нащупать нашу связь — ту самую, которая раньше всегда отзывалась лёгким теплом где-то под сердцем.

Пусто.

Ни звука, ни вибрации, ни даже легкого покалывания. Только глухой вакуум.

Как будто кто-то выдернул шнур из розетки, и теперь эфир молчит.

Я снова сосредотачиваюсь и тянусь к связи — без толку.

Кажется, даже магия решила взять паузу в этих отношениях.

Не выдержала.

Сначала люди ссорятся, потом связь сгорает от перегрузки, потом прибор светится, как новогодняя ёлка, и молчит — впрочем, как и его создатели.

Смешно. Мы с Виктором строим третий вид магии, который, по идее, должен держаться на искренности, — и вот, она первой и не выдержала.

Может, связь не пропала, а просто ушла «в отпуск до выяснения обстоятельств».

Если подумать, она

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.